

С О Ф И

КИНСЕЛЛА

Минни
Шопоголик

Шопоголик

Софи Кинселла

Минни шопоголик

«ЭКСМО»

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Кинселла С.

Минни шопоголик / С. Кинселла — «Эксмо», — (Шопоголик)

ISBN 978-5-699-92133-1

На дворе экономический кризис. Карьеры рушатся, магазины разоряются, а обанкротившиеся шопоголики лишены главного, того, что украшало их жизнь и составляло ее смысл, - возможности покупать. Вот и бедняжка Бекки вынуждена обуздать демона потребления. Дав любимому мужу клятву не нести домой лишнего, она тут же нарушает ее. Но как тут сдержаться, если двухлетняя дочка Минни сама тянется за новыми туфельками... А еще не за горами день рождения мужа. И какое веселье может быть без вечеринки-сюрприза? Вот только организация мероприятия, да еще в такие сложные времена, - дело не из легких. И Бекки придется применить всю свою смекалку, чтобы устроить праздник, который запомнят на долгие годы.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-92133-1

© Кинселла С.

© Эксмо

Содержание

1	7
2	13
3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Софи Кинселла

Минни шопоголик

Игровая группа «Тик-так»

Олд Барн
Спенс-Хилл, 4
Оксшотт
Суррей

Миссис Ребекке Брендон
«Сосны»
Элтон-роуд, 43
Оксшотт
Суррей

1 сентября 2005 года

Уважаемая миссис Брендон,

Мы были рады видеть Вас и Минни вчера. Не сомневаемся, ей понравилось на нашей веселой детской площадке, где царит непринужденная атмосфера, и надеемся, Вы посетите нас на следующей неделе.

С наилучшими пожеланиями,
Тери Эшли, игровой менеджер

P. S. Пожалуйста, не расстраивайтесь из-за незначительного инцидента с разбрызганной краской. Мы привыкли к детям и в любой момент можем перекрасить стену.

Игровая группа «Тик-так»

Олд Барн
Спенс-Хилл, 4
Оксшотт
Суррей

Миссис Ребекке Брендон
«Сосны»
Элтон-роуд, 43
Оксшотт
Суррей

4 октября 2005 года

Уважаемая миссис Брендон,

Всего несколько конфиденциальных соображений насчет Минни.

Она очаровательный ребенок, очень живой и веселый. Однако ей стоит усвоить, что нельзя надевать все игровые костюмчики каждый день и что туфельки принцессы не годятся для игр на улице. Возможно, мы обсудим это на предстоящем утреннике для родителей и детей.

С наилучшими пожеланиями,
Тери Эшли, игровой менеджер

Р. S. Пожалуйста, не расстраивайтесь из-за незначительного инцидента с клеем. Мы привыкли к детям и можем в любой момент заново покрыть стол лаком.

Игровая группа «Тик-так»

Олд Барн
Спенс-Хилл, 4
Оксшотт
Суррей

Миссис Ребекке Брендон
«Сосны»
Элтон-роуд, 43
Оксшотт
Суррей

9 ноября 2005 года

Уважаемая миссис Брендон,

Спасибо Вам за Ваше письмо. Я рад, что Вы с нетерпением ожидаете утренника для родителей и детей. К сожалению, для взрослых не предусмотрены специальные костюмы, как и возможность «обменяться одеждой с другими родителями», как Вы предлагаете.

Рад сообщить, что Минни стала более активной на детской площадке и проводит много времени в нашем новом уголке «Магазин».

С наилучшими пожеланиями,
Тери Эшли, игровой менеджер

Р. S. Пожалуйста, не расстраивайтесь из-за незначительного инцидента с чернилами. Мы привыкли к детям, и миссис Сопер может в любой момент заново покрасить волосы.

1

Так. Без паники. Я тут главная. Я, Ребекка Брендон (урожденная Блумвуд), взрослая. Я, а не моя двухлетняя дочь.

Только не уверена, что она в курсе.

– Минни, солнышко, отдай мне пони. – Стараюсь, чтобы голос звучал спокойно и убедительно, как у Нянюшки Сью из телика.

– По-о-о-о-о-они. – Минни еще крепче вцепляется в игрушку.

– Никаких пони.

– Мой! – истерично вопит она. – Мо-о-о-о-ой пон-и-и-и-и-и!

Черт. У меня в руках миллион пакетов с покупками, я обливаюсь потом. Только истерики мне и не хватало.

Все шло так хорошо. Я обежала торговый центр и купила абсолютно все, до последней мелочи, из рождественского списка. Мы с Минни топали к «Пещере Санта-Клауса», и я лишь на минуточку притормозила у кукольного домика. И тут Минни сцапала с витрины игрушечного пони и наотрез отказалась поставить его обратно. И я окунулась в пони-кризис.

Плывущая мимо мамочка в обтягивающих джинсах «Джей Бренд» с безупречно одетой дочкой учиняет мне «мамашин обзор». Меня передергивает. После появления Минни я поняла, что «мамашин обзор» даже круче, чем «манхэттенский». При «мамашином» одним взглядом оценивается не только стоимость твоей одежды с точностью до пенни. Черта с два. Тут учитывается одежда ребенка, марка коляски, сумка для подгузников, то, чем ты его кормишь, а также улыбается ли твое чадо, злится или визжит.

Понятно, что за одну секунду усечь все это затруднительно, но поверьте мне, мамы способны и не на такое.

Одежда Минни наверняка получает высший балл (платье: эксклюзив от Дэнни Ковитца, пальтишко: Рэйчел Райли, туфельки: «Бэби Диор»), К Минни надежно пристегнуты детские вожжи (кожаные, от Билла Эмберга, очень клевые, их фотография была в «Бог»), Но вместо того, чтобы ангельски улыбаться, как девочка из журнала, Минни натягивает эти самые вожжи, словно бык, рвущийся на арену. Бровки яростно нахмурены, щечки пламенеют, и она набирает в легкие воздух, готовая снова взречься.

– Минни! – Я отпускаю вожжи и обнимаю ее, чтобы она почувствовала себя спокойно и уверенно, – так советует Нянюшка Сью в своей книге «Укрощение малышей с трудным характером». Я купила ее на днях и пролистала. Просто из любопытства. Нельзя сказать, что у меня с Минни *проблемы* или типа того. Она вовсе не *трудный ребенок*. И не «непослушная и капризная», как сподобилась заявить тупая учительница из детской музыкальной группы. (Что она понимает? Она даже не умеет толком играть на треугольнике.)

Просто Минни... настойчивая. У нее обо всем свое мнение. Скажем, о джинсах (она их не наденет) или о моркови (она не возьмет ее в рот). А сейчас она твердо убеждена, что должна получить игрушечного пони.

– Минни, дорогая, я тебя очень люблю, – воркую я, – и буду очень, очень счастлива, если ты отдашь мне пони. Вот так, дай его мамочке... – Почти получилось. Еще чуть-чуть – и игрушка у меня.

Ха. Родительские навыки. Их у меня не отнять. Не могу удержаться и оглядываюсь, желая выяснить, видит ли кто, как ловко я справляюсь с ребенком.

– Мо-о-о-о-о-ой! – Минни выхватывает пони у меня из рук и убегает в глубь магазина.

– Минни! МИННИ! – захожусь я в крике.

Подхватив пакеты, во всю прыть несусь за Минни. Она тем временем успела исчезнуть в отделе «Экшнмэн»¹. Господи, не понимаю, и зачем только мы тренируем всех этих спортсменов для Олимпийских игр. Можно просто послать туда команду карапузов.

Догнав дочь, я пыхчу как паровоз. Надо бы все-таки заняться послеродовыми упражнениями.

– Отдай мне пони! – Я пытаюсь завладеть дурацкой лошадкой, но Минни вцепилась в нее словно клещ.

– *Мой пон-и-и-и-и!* – Карие глазки сверкают упрямством. Иногда она становится так похожа на своего отца, что я вздрагиваю.

Кстати говоря, а где Люк? Мы же собирались делать рождественские покупки *вместе. Всей семьей*. Но он испарился час назад, пробормотав, что ему надо куда-то позвонить, и с тех пор я его не видела. Сидит, наверное, где-нибудь с газетой и потягивает капучино как цивилизованный человек. Вечно так.

– Минни, мы не будем его покупать, – чеканю я своим самым твердым голосом. – У тебя полно игрушек, и пони тебе не нужен.

Женщина с всклокоченными темными волосами, толкающая коляску с двойняшками, одобрительно кивает мне. Не могу удержаться и устраиваю ей «мамашин обзор». Она из тех мамочек, что носят «кроки» с носками грубой домашней вязки. (Зачем так делать? Зачем?)

– Чудовищно, верно? – кривится она. – Эти пони стоят сорок фунтов! Мои ребятишки их даже и просить не станут, – добавляет она, глядя на двух мальчиков, смиренно сидящих в коляске и сосущих большие пальцы. – Стоит им уступить – и все, это начало конца. Своих-то я хорошо воспитала.

Выпендрежница.

– Точно, – с достоинством отзываюсь я. – Не могу с вами не согласиться.

– Некоторые родители просто купили бы игрушку, чтобы утихомирить своего ребенка. Никакой дисциплины. Отвратительно.

– Ужасно, – киваю я и словно ненароком протягиваю руку, но Минни ловко уворачивается. Проклятье.

– Самая большая ошибка – идти у них на поводу. – Женщина сверлит Минни взглядом. – Этим-то мы их и портим.

– Ну, я никогда не иду на поводу у моей дочери, – оживляюсь я. – Минни, пони ты не получишь. И точка.

– Пон-и-и-и-и-и! – Вопли Минни сменяются душераздирающими всхлипываниями. Ну и актриса же она. (Вся в мою мамочку.)

– Удачи. – Женщина разворачивает коляску. – Счастливого Рождества.

– Минни, хватит! – яростно шиплю я, как только женщина скрывается из виду. – Ты позоришь нас обеих! Зачем тебе вообще этот идиотский пони?

– Пон-и-и-и-и-и-и! – Она прижимает пони к себе, словно это давно пропавший любимец, которого продали на базаре в пятистах милях от дома, и он только что приковылял обратно на ферму, весь израненный, чтобы поприветствовать хозяйку радостным ржанием.

– Это просто дурацкая игрушка, – стою я на своем. – Что в ней такого хорошего?

Хм. Вообще-то... он *действительно* ничего. Из натурального дерева, белого цвета, весь в блестящих звездочках, мордочка разрисована вручную и такая симпатичная. И красные колеса.

– Тебе совсем не нужен пони, Минни. – Мой голос звучит гораздо менее убедительно. Господи, седло! Это что, натуральная кожа? Уздечка с застежками совсем как настоящая, а грива сделана из конского волоса. И к нему прилагается набор щеточек.

¹ Английские куклы для мальчиков в виде военных, шпионов и тому подобное. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Сорок фунтов совсем не дорого. Я кручу маленькое красное колесико, и оно вертится просто идеально. У Минни еще нет игрушечного пони. Явный пробел.

Это не значит, что я ей поддамся.

– Его можно завести. – Оглядываюсь и вижу, что к нам приближается пожилая продавщица. – Ключ в подставке. Вот он.

Она поворачивает ключ, и мы с Минни зачарованно глазеем на пони – он поднимается и опускается под звяканье музыки, словно карусельная лошадка.

О господи! Я просто *влюблена* в этого пони.

– На него специальная рождественская цена – сорок фунтов, – добавляет продавщица. – Обычно мы продаем их за семьдесят. Ручная работа, из Швеции.

Скидка почти пятьдесят процентов! Так и знала, что совсем недорого. Разве я этого не говорила?

– Он тебе нравится, верно, малышка? – Продавщица улыбается Минни, и та расцветает в ответ, забыв о своих бедах. Не хочу хвастаться, но дочурка выглядит такой очаровательной в своем красном пальтишке, с темными хвостиками и ямочками на щеках. – Будете его покупать?

– Я... э...

Ну же, Бекки. Скажи «нет». Будь образцовой мамой. Уматывай отсюда.

Я снова глажу гриву пони. Он просто потрясающий. Посмотрите только на его милую мордочку. Пони – это оригинально, правда? Он никогда не надоест. Это классика. Это как жакет от «Шанель», только игрушка.

Кстати, ведь на носу Рождество. И распродажа. Кто знает, неожиданно приходит мне в голову, вдруг Минни станет знаменитой наездницей. И этот игрушечный пони подтолкнет к тому, чтобы ее талант расцвел. Я представляю, как моя двадцатилетняя дочь стоит в красном жакете рядом с роскошной лошадью, она только что победила на Олимпийских играх, и говорит в камеру: «Все началось на Рождество. Я получила подарок, который изменил мою жизнь...»

Мой мозг работает, словно компьютер, анализирующий ДНК. Нужно изловчиться и сделать одновременно следующее: 1. Не поддаться на шантаж Минни. 2. Остаться хорошей матерью. 3. Купить пони.

Срочно нужно отыскать умное и неожиданное решение. Вроде тех, за которые Люк отваливает своим консультантам кучи денег...

И тут меня осеняет. Совершенно гениальная идея. И почему только я раньше не догадалась? Я достаю телефон и пишу Люку.

Люк! У меня отличная мысль. Нужно выдавать Минни карманные деньги.

Тут же прилетает ответ:

Зачем?

Энергично набиваю:

Чтобы она делала покупки, конечно. Нужно разбираться в финансах с детства. Прочитала в статье. Помогает развитию ответственности.

Минуту спустя ответ от Люка:

А нельзя просто купить ей ФТ?²

Быстро жму на кнопки телефона:

Не смешно! Два фунта в неделю?

² Британская деловая газета «Файнэншиал тайме».

И тут же:

Чокнулась? Хватит 10 пенсов.

Я с негодованием пялюсь на экран телефона. *Десять пенсов?* Да он просто скупердяй. Что малышка сможет себе позволить на такую сумму? На десять пенсов в неделю пони мы не купим. Так, вот мой ответ:

50 пенсов в неделю. Среднее по стране. (Он не удосужится проверить.)
Ты где? Пора к Санте!

Ладно. Скоро буду.

Ура! Я убираю телефон и быстро подсчитываю в уме. Пятьдесят пенсов в неделю за два года составит пятьдесят два фунта. Проще некуда. Господи, и почему я раньше не додумалась до карманных денег? Класс! Перед нашим шопингом открываются новые горизонты.

Я поворачиваюсь к Минни, гордая собой, и провозглашаю:

– Послушай, дорогая, я не стану покупать тебе этого пони, потому что уже сказала «нет». Но ты сама можешь купить его на *собственные карманные деньги*. Правда, здорово?

Минни разглядывает меня с недоверием. Будем считать, что молчание – знак согласия.

– Поскольку ты раньше ничего не тратила, у тебя накопились деньги за два года. Этого достаточно. Видишь, как полезно экономить? – добавляю я нравоучительно. – Весело, правда?

Мы идем к кассе, и меня распирает от самодовольства. Вот это, я понимаю, ответственный подход к воспитанию ребенка. Я с ранних лет знакомя дочь с принципами финансового планирования. Да я могу стать телевизионным гуру! *Руководство Супер-Бекки для финансово ответственных родителей*. В каждом выпуске на мне будут новые сапожки...

– Тележа.

Я возвращаюсь на землю и обнаруживаю, что Минни бросила пони и ухватила за розовый пластиковый ужас. Это тележка Винни из мультика. Где она ее откопала?

– Тележа? – Она с надеждой поднимает на меня глаза.

Что?

– Нам не нужна тележка, дорогая. – Я вся терпение. – Ты хотела пони. Очень симпатичного пони. Помнишь?

Минни взирает на деревянное животное с полным равнодушием.

– Тележа.

– Пони! – Я поднимаю лошадку с пола.

Какое разочарование. Как она может быть такой непостоянной? Это тоже бабушкино наследство.

– Тележа!

– Пони! – кричу я громче, чем намеревалась, и трясую гривой перед ее носом. – Я хочу пон-и-и-и-и-и...

И тут я чувствую затылком чей-то сверлящий взгляд. Оборачиваюсь и вижу женщину с мальчиками-близнецами. Она стоит в нескольких ярдах и уличающе шурится.

– Я считаю... – Торопливо опускаю пони, мои щеки пылают. – Да, вполне можно сделать покупку на карманные деньги. Основы финансового планирования. Сегодня мы узнали, что сначала надо *экономить*, а потом можно и потратиться, верно, дорогая? Минни готова отдать все свои карманные деньги за пони, и это очень хороший выбор...

– Я нашла еще одного! – Как из-под земли снова появляется продавщица, она запыхалась, в руках у нее пыльная коробка. – Он лежал на складе, и они составляли пару, видите...

Существует еще один пони?

Она вынимает его, а я тем временем ловлю ртом воздух. Пони темно-синий, как ночное небо, грива черная, он усеян звездочками, а колесики золотые. Совершенно обалденный. И так подходит к первому. Боже, мы должны заполучить их обоих. Просто *обязаны*.

Женщина с коляской и глазами-сверлами никуда не уходит. Сгинь!

– Жаль, малышка, что ты уже спустила все свои карманные деньги, верно? – Напряженная злая улыбка выдает, что она никогда не радуется и не занимается сексом. По некоторым людям это сразу видно.

– Да, похоже, так оно и есть. – Я с ней предельно вежлива. – Тут возникает проблема. И ее надо решить. – Я какое-то время усиленно размышляю, а потом обращаюсь к Минни: – Солнышко, это твой второй важный урок по финансовому планированию. Иногда, когда нам выпадает возможность изумительной, уникальной сделки, можно сделать *исключение* из правил. Это называется «ловить момент».

– Вы собираетесь *купить* его? – В голосе мамыши явное недоверие.

А ей-то какое дело? Господи, вечно эти мамышки суют нос куда не следует. Как только у вас появляется ребенок, вы словно тут же превращаетесь в раздел интернет-сайта, озаглавленный «Место для ваших грубых и обидных комментариев».

– Разумеется, я не собираюсь покупать его. – В моем тоне появляются металлические нотки. – Она потратит на него *свои* карманные деньги. Лапонька, – я наклоняюсь и стараюсь завладеть вниманием Минни, – если ты заплатишь за второго пони из собственного кармана из расчета пятьдесят пенсов в неделю, то на это уйдет... шестьдесят недель. Тебе придется взять кредит. Он называется «овердрафт», – излагаю я с максимальной доступностью. – То есть ты потратишь все карманные деньги, полагающиеся тебе к трем с половиной годам. Согласна?

Минни слегка сбита с толку. Ну и что? Я сама пребывала в замешательстве, когда брала свой первый кредит. Опыт приходит со временем.

– Мы все уладили. – Одаряю продавщицу сияющей улыбкой и протягиваю ей «Визу». – Мы берем обоих пони, спасибо. Видишь, дорогая? – обращаюсь я к Минни. – Мы с тобой сегодня усвоили такой вот урок: никогда не сдавайся, если тебе действительно чего-то хочется. Пусть все выглядит безнадежно, но выход обязательно найдется.

Чувствую законную гордость, ведь я приняла мудрое решение. К этому и сводится воспитание. Надо учить ребенка постигать законы жизни.

– Знаешь, однажды я с блеском вышла из затруднительного положения, – щебечу я, набирая пин-код. – Как-то я углядела сапоги «Дольче и Гаоана» с девяностопроцентной скидкой! Только на моей карте не было ни пенни. Но разве я спасовала? Нет. Никогда!

Минни слушает меня так жадно, словно я рассказываю ей сказку про трех медведей.

– Я обошла всю квартиру, порылась в карманах и сумочках, набрала много маленьких монеток... и догадайся, чем все кончилось? – Я делаю эффектную паузу. – У меня оказалось достаточно денег! И я смогла купить сапоги! Ура!

Минни хлопает в ладоши, и, к моей радости, близнецы тоже начинают бурно выражать свой восторг.

– Хотите выслушать еще одну историю? – ликую я. – Хотите узнать про распродажу образцов в Милане? Однажды я шла по улице и вдруг увидела *таинственный знак*. – Я выразительно тарашусь на мамашу близнецов. – И как вы думаете, что там было написано?

– Какая-нибудь чушь. – Женщина вцепляется в ручку коляски. – Хватит, пора домой.

– Слушать! – требует один из мальчишек.

– Не будем мы ничего слушать. Вы чокнутая, – бросает она мне через плечо. – И удивляться нечего, что у вас такой избалованный ребенок. Туфельки у нее от Гуччи, да?

Избалованная?

Кровь бросается мне в лицо, я застываю в шоке. Минни вовсе не избалованная! И «Гуччи» не делает таких туфелек.

– Она не избалованная!

Но женщина уже скрылась за витриной с Почтальоном Пэтом³. Я, разумеется, не побегу за ней с криком: «Мой ребенок хотя бы не сидит целыми днями в коляске, сунув палец в рот! И кстати, вам не приходило в голову вытереть им носы?»

Не стану показывать Минни подобный пример.

– Вперед, Минни! – стараюсь успокоиться я. – Пошли к Санта-Клаусу. Это развеселит нас.

³ Герой британского сериала мультфильмов.

2

Нет, никакая Минни не избалованная. Ни капельки!

Ладно, у нее случаются небольшие капризы. А у кого не случаются? Но она не избалованная. Я бы это знала. Я же ее *мама*.

Но все же по пути к «Пещере Санта-Клауса» я пребываю в смятении. Как можно быть такой подлой? Да еще в рождественский сочельник.

– Покажи всем, какая ты послушная, солнышко, – бормочу я Минни. – Побудь ангелочком перед Санта-Клаусом, хорошо?

Радио исторгает «Джингл беллз», и я чуть взбадриваюсь. Обожаю Рождество.

– Посмотри, Минни! – волнуясь я. – Посмотри на северного оленя! Взгляни на подарки!

Вот сани и два оленя в натуральную величину, искусственный снег и много девушек, одетых эльфами, их зеленые костюмчики – это что-то новенькое. У входа в пещеру моргаю от удивления при виде эльфа с загорелой ложбинкой между грудей. Неужели в наши дни Санта-Клаус находит себе эльфов в гламурных модельных агентствах? И уместны ли у эльфа фиолетовые акриловые ногти?

– Веселого Рождества! – улыбается девушка и ставит штамп на билете. – Обязательно подойдите к нашему Рождественскому Колодцу Желаний и оставьте в нем свою просьбу на Рождество. Санта-Клаус их потом прочтает!

– Ты слышала, Минни? Мы можем загадать желание! – Я смотрю на Минни, но она молчит, испуганно таращась на эльфа.

Видите? Она ведет себя безупречно.

– Бекки! Я здесь!

Поворачиваюсь и отыскиваю глазами маму. Она уже стоит в очереди, на ней нарядный мерцающий шарф, и она держит за ручку коляску Минни, набитую пакетами и свертками.

– Санта-Клаус только что пошел попить чайку, – сообщает мама. – У нас в запасе полчаса. Дедушка отправился за дисками для видеокамеры, а Дженис – за рождественскими открытками.

Дженис – мамина соседка. Она покупает рождественские открытки за полцены в сочельник, заполняет их первого января и весь оставшийся год хранит в ящике. Она называет это «опережать время».

– Дорогая, хочешь посмотреть на мой подарок Джесс? – Мама роется в сумочке и, волнуясь, показывает мне деревянный ящичек. – Как думаешь, годится?

Джесс – моя сестра. Вернее, наполовину сестра. Через несколько дней она прибудет из Чили, и мы устроим для них с Томом второе Рождество – с индейкой, подарками и всем таким прочим! Том – бойфренд Джесс. Он – единственный сын Дженис и Мартина, я знаю его с пеленок, и он очень...

Он действительно...

Неважно. Главное, они любят друг друга. А вечно потные руки Тома в Чили – сущий пустяк, согласны?

Их приезд – нечто фантастичное, особенно потому, что мы наконец-то, *наконец-то* сможем крестить Минни. Джесс будет крестной мамой. Но я понимаю, почему моя мама на грани нервного срыва. Для Джесс трудно подобрать подарок. Она не одобряет ничего нового, или дорогого, или пластикового, или с консервантами, или преподносимого не в упаковке из пеньки.

– Вот что я купила. – Мама открывает крышку ящичка, и я люблюсь шеренгой шикарных стеклянных бутылочек, переложенных соломой. – Это гель для душа, – быстро поясняет она. – Не для ванны, боже упаси. Нам не нужна еще одна Третья мировая война.

Когда в прошлый раз Джесс гостила у нас, случился небольшой дипломатический конфликт. Мы праздновали ее день рождения, и Дженис подарила ей пену для ванны. И Джесс разразилась десятиминутной лекцией на тему, какая прорва воды уходит на ванну, как это нелепо – одержимость чистотой, надо, мол, просто раз в неделю принимать пятиминутный душ, как это делают они с Томом.

А Дженис и Мартин тогда только-только установили джакузи.

– Что скажешь? – вопрошает мама.

– Даже не знаю. – Я вчитываюсь в мелкий текст на этикетке. – Там есть какие-нибудь добавки? Производитель этого геля не эксплуатирует людей?

– Ох, дорогая, сейчас ни за что нельзя поручиться. – Мама с опаской смотрит на коробку, словно в ней ядерное оружие. – Здесь написано «натуральный продукт». И это хорошо, правда?

– Думаю, все будет в порядке, – киваю я, – только не признавайся, что купила в торговом центре. Скажи, заказала в независимом кооперативе.

– Хорошая идея. – Мамино лицо светлеет. – И заверну его в газету! А ты ей что подаришь?

– Коврик для йоги, соткан вручную крестьянкой из Гватемалы, – со скрытым торжеством говорю я. – Вырученные деньги идут на финансирование деревенского хозяйства, к тому же он сделан из пластика от старых компьютеров.

– Бекки! – Мамин взгляд полон обожания. – Где ты откопала такое чудо?

– О... провела масштабный поиск. – Я беззаботно дергаю плечом, не собираясь признаваться, что набрала в Google «зеленый натуральный подарок вторсырье экология чечевица упаковка».

– Лож-ество! Лож-ЕСТВО! – Минни яростно тянет меня за руку, и я пугаюсь, вдруг она оторвет ее.

– Сходи с Минни к Колодцу Желаний, – предлагает мама. – А я постою в очереди.

Пристраиваю своих пони в коляске рядом с маминими пакетами и веду Минни к Колодцу Желаний. Он окружен искусственными серебристыми березками, на ветвях сидят феи, и если бы не истошный детский визг, то все это смотрелось бы волшебным.

Открытки, на которых можно написать желание, лежат на фальшивом пенке. Беру одну открытку и вручаю Минни фломастер.

Боже, я помню, как писала письма Санта-Клаусу в детстве. Они получались длинными и прочувствованными, с рисунками и картинками, вырезанными из каталогов, – на случай, если Санта придет в замешательство.

Две девочки лет десяти опускают свои открытки, хихикая и перешептываясь, и меня охватывает ностальгия. Я обязана участвовать в этом!

«Дорогой Санта-Клаус, – быстро пишу я на открытке. – Это снова Бекки». Останавливаюсь, ненадолго задумываюсь, а затем торопливо корябю.

У меня всего три желания. Я же не какая-нибудь жадина.

Минни честно покрывает каракулями всю открытку, ее руки и нос уже испачканы фломастером.

– Не сомневаюсь, Санта-Клаус поймет, чего ты хочешь, – нежно говорю я, забирая у нее фломастер. – Давай опустим наши открытки.

Одну за другой я роняю их в колодец. Сверху, кружась, падают маленькие снежинки, из динамика льется мелодия «Зимней страны чудес», и я вдруг чувствую себя так по-рождественски. Не могу удержаться, закрываю глаза, сжимаю ручонку Минни и желаю, чтобы все исполнилось. Никогда не знаешь...

– Бекки? – Низкий голос врывается в мои мысли, и я открываю глаза. Перед нами стоит Люк. Темные волосы и синий пиджак припорошены искусственным снегом, во взгляде удив-

ление. Я слишком поздно понимаю, что, зажмурившись, страстно шептала: *«Пожалуйста... пожалуйста...»*

– Ой! Привет. Я просто...

– Разговаривала с Санта-Клаусом?

– Не смейся меня. – Я слегка нервничаю, но быстро обретаю чувство собственного достоинства. – Кстати говоря, где ты был?

Люк, не отвечая, идет прочь. Оборачивается, манит меня.

– Оставь Минни на минутку с бабушкой. Я хочу тебе кое-что показать.

Я замужем за Люком вот уже три с половиной года, но до сих пор не всегда понимаю, как устроены у него мозги. Мы идем с ним рядом, его губы крепко сжаты, и я почти впадаю в панику. Что все это значит?

– Вот. – Он останавливается в безлюдном углу торгового центра и достает свой «блек-берри».

На экране эсэмэска от его юриста Тони. Одно-единственное слово: «Улажено».

– Улажено? – Какую-то долю секунды я не врубаюсь, а затем до меня доходит.

– Нет! Это «Аркодас»? Это с ними все улажено?

– Ага. – У Люка на губах играет легкая улыбка.

– Но ты никогда не говорил... Я и понятия не имела...

– Не хотел тебя понапрасну обнадеживать. Мы вели переговоры три недели. Для нас это не столь... но это хорошо. Все будет замечательно. Дело в шляпе.

Меня начинает трясти. Все в прошлом. Дело «Аркодаса» висело над нами так долго, что мы с ними будто сроднились. (Далеко не в приятном смысле слова. Ничего себе родственница – злобная старая тетка-ведьма с бородавками на носу, отвратительно кудахтающая.)

Вот уже два года, как Люк вступил в битву с «Аркодасом». Я говорю «битву», но это не значит, что он забрасывал их зажигательными бомбами. Он просто отказался работать на них из принципа: не хотел представлять подонков, дурно обращавшихся с его персоналом. У Люка пиар-компания «Брендон Комьюникейшнс», и большинство служащих работают у него долгие годы. Когда он увидел, как «Аркодас» ведет себя с ними, то жутко рассердился.

Он прекратил вести их дела, и они подали на него в суд за нарушение договора. Еще одно доказательство того, насколько ужасны эти типы. И тогда Люк немедленно подал в суд *на них* — за неуплату за оказанные услуги.

Я – то думала, что судья с первого взгляда поймет, кто тут хороший парень. Он ведь не слепой! Но вместо этого судья устраивал идиотские слушания и постоянно откладывал разбирательство, дело все затягивалось и затягивалось. Юристы, судьи, так называемые «примири-тели» и вообще правовая система сильно упали в моих глазах. И я бы высказала им все это в лицо, если бы только мне дали слово.

Я буквально *умирала* от желания выступить свидетельницей. Даже держала наготове костюм и все необходимое. (Темно-синяя юбка-карандаш, белая блузка с оборкой, строгие туфли-лодочки.) А еще написала блистательную речь, которую до сих пор помню наизусть. Начинается она так: «Дамы и господа присяжные, я прошу вас заглянуть в ваши сердца. А затем посмотреть на двух мужчин перед вами. Один – благородный, честный герой, ставящий благосостояние своего персонала выше денег... (Тут я указала бы на Люка.) А второй (указательный палец направлен на обманщика Уилера из «Аркодаса») – гнусный сексист, третирующий всех и вся. В нем столько же порядочности, сколько умения одеваться». Тут бы все расшумелись и разволновались, а судье пришлось бы стучать молотком и кричать: «Соблюдайте порядок!» А я бы пристально и вдумчиво посмотрела на присяжных, как в романах Джона Гришэма, чтобы понять, кто из них на нашей стороне.

Ну да ладно. Мои планы рухнули, поскольку Люк сказал, что никаких присяжных не будет – это не такой суд. И вообще, это гнусное болото, где выкидывают самые грязные штучки, и он будет проклят, если я окажусь втянутой в эти мерзости, и потому я должна остаться дома с Минни. Что я и сделала, хотя чуть не умерла от разочарования.

– Ну вот все и закончилось, – тихо говорит Люк. – Наконец-то.

– Слава богу.

Обнимаю мужа. Глаза у него усталые. Это дело выбило Люка из колеи. Ведь он пытался управлять компанией, судиться, поддерживать мотивацию у работников и находить новые проекты для фирмы – одновременно.

– Итак. – Он вглядывается в мое лицо. – Мы можем двигаться дальше. Во всех смыслах. Спустя мгновение я понимаю, что он имеет в виду. И у меня перехватывает дыхание.

– Мы можем купить дом!

– Я сразу же позвонил хозяевам, – кивает Люк, – и они пообещали ответить сегодня вечером.

– О господи! – Я слегка подпрыгиваю от возбуждения. Не могу поверить в реальность происходящего. Дело закрыто! Мы сможем наконец съехать от мамы с папой и поселиться в собственном доме!

Мы уже пытались приобрести дом. Четыре раза. Но все сделки сорвались. Либо на самом деле хозяева не хотели продавать свою недвижимость, либо начинали требовать намного больше денег, чем поначалу, либо выяснялось, что дом собственность не продавцов, а их дядюшки из Испании и мы могли оказаться втянутыми в аферу, а четвертый дом просто взял и сгорел. Я стала думать, что нас сглазили, а потом Люк сказал, что, наверное, нужно подождать до тех пор, пока не разрешится ситуация с «Аркодасом».

– Счастливая пятерка? – Я поднимаю глаза на Люка, он скрещивает пальцы и улыбается.

Этот дом устраивает нас по всем статьям. Он расположен на чудесной Майда-Вейл, там есть сад, а в саду – качели на дереве, а сам дом такой просторный. И совсем рядом с домом родителей! Чувствую, как меня охватывает эйфория. Нужно срочно купить «Дом и мезонин»! И «Elle Deco», и «Дом и сад», и «Обои»...

– Пошли обратно? – Я делаю равнодушное лицо. – А по дороге я загляну в киоск и прихвачу несколько журналов...

И еще не забыть «Мир интерьеров» и «25 прекрасных домов».

– Подожди минутку. – Что-то в голосе Люка настораживает меня. И смотрит он почему-то в сторону. И подбородок напряжен. С ним явно не все в порядке.

– Что такое? – тихо спрашиваю я. – Есть еще и плохие новости?

– Нет. Но я хотел кое в чем... признаться тебе. – Он трет шею, взгляд отстраненный, словно он не может заставить себя посмотреть на меня. – Только что случилась очень странная вещь. – Он опять молчит, на этот раз долго. – Я купил книгу для Аннабел. Новый роман Рут Ренделл. Она была бы в восторге.

Наступает тишина. Я не знаю, как реагировать.

– Люк... – осторожно начинаю я.

– Я купил ей чертов рождественский подарок. – Он сжимает кулаками виски. – Я свихнулся?

– Конечно, нет! Ты просто... – Я беспомощно умолкаю, отчаянно пытаюсь вспомнить фрагменты из книги о тяжелых утратах.

Эту книгу я купила из-за еще одного ужасного события, случившегося в этом году. В мае умерла мачеха Люка. Она болела всего месяц, а потом скончалась, и это сильно надломило его.

Пусть Аннабел не была биологической матерью Люка, но именно она оказалась для него подлинной мамой. Она вырастила его и понимала как никто другой. И самое ужасное: он так

редко видел ее перед смертью. Даже когда она была серьезно больна, он не мог бросить все и рвануть в Девон, потому что дело «Аркодаса» слушалось в Лондоне.

Но Люк не должен винить себя. Я говорила ему это миллион раз. Он ничего не мог сделать. Бесполезно – Люк продолжает страдать. Его отец теперь в Австралии со своей сестрой, и Люк не имеет возможности проводить время и *с ним*.

Что же касается его родной матери... мы о ней даже не упоминаем.

Никогда.

С Элино у Люка всегда была любовь-ненависть. Это понятно, ведь мать бросила его и мужа, когда Люк был совсем крохой. Но они поддерживали относительно хорошие отношения, пока она все не испортила.

Незадолго до похорон Аннабел Люк отправился к Элино по какому-то семейному делу. До сих пор не знаю точно, что она ему такое сказала. Что-то об Аннабел. Что-то бесчувственное и, возможно, откровенно грубое, насколько могу догадываться. Он не передавал мне ее слов и даже не возвращался к этому случаю, – но я ни разу больше не видела его таким бледным, таким оцепеневшим от ярости. И теперь мы не произносим имени Элино. Вряд ли они вообще помирятся. И меня это вполне устраивает.

Смотрю на Люка, и у меня сжимается сердце. Тяготы этого года плохо сказались на нем. Между бровями залегли две небольшие морщинки, они не исчезают, даже когда он улыбается. Люк никогда не выглядит счастливым на все сто процентов.

Я беру его под руку и крепко прижимаю к себе:

– Пошли к Санта-Клаусу.

Мы идем по торговому центру, и как-то само собой получается, что возвращаемся по другому торговому ряду. На это нет никакой особой причины, правда. Просто здесь магазины поинтереснее. Скажем, художественные ювелирные изделия... и магазинчик с цветами из шелка... и «Enfant Coccotte», где полно вручную сделанных коней-качалок и колыбелек из палисандра.

Шаг мой непроизвольно замедляется. Вы только посмотрите на ярко освещенную витрину, на эти великолепные вещи. Посмотрите на миниатюрные детские комбинезончики, маленькие одеяльца.

Будь у нас еще один ребенок, мы могли бы купить ему все новое. Он бы сладко сопел, такой милый во сне, а Минни помогала бы катить коляску, и мы стали бы настоящей семьей...

Я поднимаю глаза на Люка – вдруг он думает о том же и ответит мне нежным, любящим взглядом? Но он смотрит на «Блэкберри» и хмурится. Вот так. Ну почему он не настроен на мою волну? Мы же вроде как женаты, верно? Ему следует *понимать* меня. Он должен догадываться, отчего я привела его к детскому магазину.

– Чудесный, правда? – Я показываю на заводного плюшевого медвежонка.

– М-м-м-м. – Люк кивает не глядя.

– Ух ты! Только посмотри на эту коляску! – Колеса у нового хитроумного изобретения забавного вида словно сняты с «хаммера». – Классная вещь.

Будь у нас еще один ребенок, мы купили бы и новую коляску. То есть нам бы пришлось это сделать. Старая коляска Минни совсем раздолбана. Только не подумайте, будто я хочу ребенка, чтобы занять прикольную коляску. Глупость какая. Но это окажется своего рода бонусом.

– Люк... Я тут думала... о... нас. Ну... обо всех нас. О нашей семье. В том числе и о Минни. И...

Он подносит телефон к уху:

– Да. Привет.

Боже, ненавижу этот вибровывоз. Ты и не знаешь, что ему кто-то звонит.

– Я тебя догоню, – говорит он мне одними губами и возвращается к своему «Блэк-берри»: – Да, Гэри, я получил твоё письмо.

Ладно, похоже, сейчас не самое подходящее время обсуждать покупку коляски для нашего второго ребенка.

Ничего страшного. Я свое наверстаю.

Направляюсь к «Пещере Санты», и тут мне приходит в голову, что можно пропустить очередь, и я пускаюсь бегом.

– Бекки! – Мама машет мне из начала очереди. – Мы следующие! У меня камера наготове... Ох, смотрите!

Эльф с широкой фальшивой улыбкой взбирается на сцену. Сверкает зубами и стучит по микрофону, стараясь привлечь всеобщее внимание.

– Здравствуйте, мальчики и девочки! – выкрикивает грудастый эльф. – А теперь тишина. Скоро Санта начнет снова встречаться с детьми, но сейчас пришло время исполнения Рождественских Желаний! Мы вытянем открытку одного везучего ребенка и преподнесем ему подарок. Это будет плюшевый медвежонок? Или кукольный домик? Или скутер?

Микрофон работает плохо, и эльф в раздражении снова стучит по нему наманикюренным пальцем. Но толпу все равно охватывает возбуждение, люди подаются вперед. Многие достают видеокамеры, дети протискиваются между взрослыми, их лица светятся восторгом ожидания.

– Минни! – волнуется мама. – Что ты пожелала, дорогая? Может, выбор падет на тебя!

– И победителя зовут... Бекки! Поздравляем, Бекки! – Неожиданно усилившийся голос эльфа заставляет меня подпрыгнуть.

Нет. Этого просто не может...

Должно быть, это другая Бекки. Тут, наверное, тьма девочек по имени Бекки...

– И маленькая Бекки пожелала... – Она косится на открытку. – «Лодочки из “Марни”⁴, какие я видела на Съюзи, не те, что на наборных каблуках, а другие».

Проклятье.

– Сколько лет Бекки? – Эльф жизнерадостно скалится. – Бекки, милая, ты здесь? Лодочек у нас нет, но, если хочешь, можешь выбрать другую игрушку с санок Санта-Клауса.

Я в смущении пригибаюсь и втягиваю голову в плечи. Они не говорили, что будут зачитывать эти чертовы рождественские желания *вслух*. Им следовало *предупредить* меня.

– А кто мама Бекки?

– Я здесь! – отзывается моя мамочка, весело помахивая видеокамерой.

– Ш-ш, мамуля! – шиплю я.

– «А еще аквамариновый топ от Зака Позена, с бантиком, десятый размер», – продолжает эльф. Ее голос гремит. Хоть бы микрофон починили. – Кто такой Зак Позен? Гёрой нового мультика? – Эльф в растерянности поворачивается к коллегам.

Как она может работать в магазине и ничего не знать о Заке Позене?!

– Простите. – Мое лицо горит. – Это... э, я. Я не знала, что вы... Выберите другое желание. Желание ребенка. Пожалуйста. А мое выбросьте.

Но эльф не слышит меня во всеобщем гвалте.

– Кто-нибудь что-нибудь понимает? – Она пристально вглядывается в открытку. – И еще здесь написано «братика или сестричку для Минни». Минни твоя кукла, дорогая? Ах, разве это не мило?

– Хватит! – Я в ужасе пробираюсь вперед через толпу детишек. – Это личное! Никто не должен был этого видеть!

– «И кроме того, Санта-Клаус, я хочу, чтобы Люк...»

⁴ Интернет-магазин одежды и аксессуаров.

– Заткнись! Это вас не касается! Это между мной и Санта-Клаусом! – Я добираюсь до эльфа и пытаюсь вырвать у нее открытку.

– Ой! – визжит она.

– Простите, – бормочу я. – Но это я Бекки.

– *Вы* Бекки? – Накрашенные глаза становятся как блюдца. Но через пару мгновений на нее снисходит озарение и ее лицо смягчается. – Надеюсь, ваше рождественское желание сбудется, – тихо говорит она, прикрыв микрофон и возвращая мне открытку.

– Спасибо. – Я мешкаю, а затем добавляю: – И вам тоже. Счастливого Рождества!

Поворачиваюсь и собираюсь идти к маме – и вдруг поверх голов встречаюсь взглядом с карими глазами Люка. Он стоит позади толпы.

Мой желудок сводит судорога. Что из всего этого он слышал?

Люк прокладывает путь через толпу, лицо его непроницаемо.

– О, привет! – Стараюсь говорить как ни в чем не бывало. – Вот... они прочитали мое рождественское пожелание. Правда, смешно?

– М-м-м-м-м. – Он ничем себя не выдает.

Повисает неловкое молчание.

Он слышал свое имя, мне это ясно. У жен безошибочное чутье на такие вещи. Он слышал свое имя и теперь гадает, что такое я пожелала в связи с ним.

Если только не размышляет над своими эсэмэсками.

– Мапочка! – Этот пронзительный голосок не спутаешь ни с каким другим, и я забываю о Люке.

– Минни! – Верчу головой и не могу отыскать ее взглядом.

– Это Минни? – Люк тоже встревожен. – Где она?

– Она осталась с мамой... черт. – Хватаю Люка за руку и в ужасе пялюсь на сцену.

Минни восседает на одном из оленей Санта-Клауса, вцепившись в его уши. И как только она умудрилась очутиться там?

– Простите... – Я почти расталкиваю родителей и детей. – Минни, *слезай немедленно!*

– Лошадка! – Минни радостно колотит оленя пятками, и на папье-маше остаются уродливые вмятины.

– Кто-нибудь, пожалуйста, заберите этого ребенка, будьте добры! – молит очумевший эльф в микрофон. – Пусть ее родители срочно подойдут сюда.

– Я отвернулась всего на секундочку! – защищается мама, когда мы с Люком добираемся до нее. – А она как сиганет!

– Так, Минни, – твердо говорит Люк, вспрыгивая на сцену, – вечеринка окончена.

– Кататься! – Минни карабкается на сани. – Мои саночки!

– Это не саночки, и тебе пора убраться отсюда. – Обхватив Минни за талию, Люк тянет ее на себя, но наша крошка уже зацепилась ногами за сиденье и демонстрирует недюжинную силу.

– Давай так, – бормочу я Люку, хватая Минни за плечи, – ты берешь на себя ноги, а я остальное. Мы выудим ее оттуда. На счет «три». Раз... два... три!

О нет. О... дьявол.

Не знаю, что случилось. Не знаю, *что* мы сделали. Но треклятые сани разваливаются прямо на глазах, подарки сыплются на искусственный снег. И не успеваю я глазом моргнуть, как море малышни устремляется к ним, а родители громогласно призывают детвору вернуться немедленно – или никакого Рождества не будет.

Конец света.

– Подалок! – вопит Минни, колотя Люка в грудь. – Подалок!

– *Уберите отсюда этого чертова ребенка!* – с ядовитой яростью требует эльф. Ее взгляд мечется от меня к маме и даже к Дженис и Мартину. Те возникли словно ниоткуда, оба в

нарядных джемперах с оленями, в руках пакеты с распродажи. – Пусть вся ваша семья немедленно сгинет!

– Но сейчас наша очередь, – смиренно довожу я до сведения эльфов. – Мне очень, очень жаль оленя, и мы заплатим за ущерб...

– Вне всяких сомнений, – вступает в разговор Люк.

– Но моя дочь страстно желает встретиться с Санта-Клаусом...

– Боюсь, у нас есть одно незыблемое правило. – Голос эльфа полон сарказма. – Ребенок, сломавший сани Санты, лишается права на визит к нему. И потому ваша дочь изгоняется из пещеры.

– Изгоняется? – Я впадаю в отчаяние. – Вы хотите сказать...

– На самом деле мы подвергаем изгнанию вас всех. – И она указывает фиолетовым ногтем на выход.

– Да, у вас тут настоящая рождественская обстановка! – язвительно парирует мама. – Мы всего-навсего лояльные покупатели, а ваши санкции – чистой воды халтура, и я намереваюсь пожаловаться в торговую инспекцию.

– Вон! – визжит эльф.

В великом огорчении я берусь за ручку коляски. Мы молча и печально тащимся к выходу и видим папу, на всех парах несущегося к нам. Его седеющие волосы слегка взъерошены.

– Я все пропустил? Ты видела Санта-Клауса, Минни, милая?

– Нет, – цежу я. – Нас выгнали из пещеры.

Папа сникает.

– О, солнышко. О, радость моя, – тяжело вздыхает он. – Опять?

– Э-эх.

– Это уже в который раз? – морщится Дженис.

– В четвертый. – Я смотрю на Минни, она покорно держится за руку Люка. Ну вылитый ангел.

– Что случилось сегодня? – интересуется папа. – Она ведь не укусила Санта-Клауса? Или укусила?

– Нет! – возмущаюсь я. – Конечно, нет!

Тот случай с Сантой из «Хэрродса» был абсолютным недоразумением. А сам Санта – просто тряпкой. У него не было никакой нужды вызывать «скорую».

– Это из-за нас с Люком. Мы сломали сани, когда снимали ее с оленя.

– А-а, – глубокомысленно кивает папа, и все мы угрюмо шествуем к выходу.

– Минни просто ходячая катастрофа, верно? – спустя какое-то время решается сказать Дженис.

– Она маленькая негодница. – Мартин щекочет Минни под подбородком. – Просто сущее наказание!

Наверное, я чересчур впечатлительна. Но все эти «наказания», «негодницы» и «ходячие катастрофы» неожиданно задевают меня за живое.

– Вы ведь не думаете, что Минни избалованная? – внезапно выдаю я. – Только честно!

Дженис прерывисто вдыхает.

– Ну... – начинает она и оглядывается на Мартина, словно ищет у него поддержки. – Я не собиралась говорить, но...

– Избалованная? – со смешком обрывает ее мама. – Чепуха! С Минни все в порядке, правда, мое сокровище? Девочка просто неординарная! – Она ласково гладит Минни по головке. – Бекки, милая, ты в ее возрасте была точно такой же. Один к одному.

И я тут же расслабляюсь. Мама умеет найти нужные слова. Перевожу взгляд на Люка и улыбаюсь с облегчением, но, к моему удивлению, он не отвечает на мою улыбку. Такое впечатление, будто его посетила новая тревожная мысль.

– Спасибо, мамочка. – Я с признательностью обнимаю ее. – Ты знаешь, как повысить мне настроение. Вперед, пошли домой!

Уложив Минни, я повеселела. И чувствую себя по-праздничному. Таким и должно быть Рождество. Подогретое вино, пироги и фильм «Белое Рождество» по телевизору. Мы повесили над камином чулок Минни (он из великолепного красного гинема, из магазина Конрана), оставили бокал хереса для Санта-Клауса, а теперь сидим с Люком в спальне и заворачиваем подарки.

Мама с папой поистине великодушны. Они отдали нам весь второй этаж, и мы можем наслаждаться уединением. Единственный маленький недостаток – наш платяной шкаф не слишком велик. Но это не имеет значения, потому что я умыкнула другой шкаф из гостевой комнаты, а туфли расставила на книжных полках на лестничной площадке. (Книги я уложила в коробки. Их все равно никто не читает.)

В папин кабинет я поместила длинную вешалку – на ней висят пальто и вечерние платья, – а несколько шляпных коробок запихала в кладовку. Косметику я держу на обеденном столе, и он просто идеален для этого по размеру. Вполне возможно, у дизайнера была именно такая задумка. Тушь для ресниц прекрасно уместилась в ящике для ножей, щипцы для выпрямления волос прижились на сервировочном столике, а для стопок журналов хватает нескольких стульев.

Кое-какие пустяки я отнесла в гараж, скажем, мои старые сапоги и потрясающий набор винтажных чемоданов – я обнаружила их в антикварном магазине, – а еще тренажер (нашла его на eBay, надо бы начать заниматься). Там теперь тесновато, но папе же гараж нужен вовсе не для машины.

Люк кончает заворачивать пазл, тянется к «Магическому мольберту», затем оглядывает комнату и хмурится:

– Сколько у Минни подарков?

– Как обычно.

Хотя, если честно, я сама нахожусь в некотором изумлении. Я и забыла, сколько всего накупила за год по каталогам и на ремесленных ярмарках и запрятала подальше.

– Это в образовательных целях. (Быстренько отрываю ярлык с ценой от «Магического мольберта».) Он очень дешевый. Выпей еще вина! – Я наполняю бокал Люка и беру шапочку с двумя красными искрящимися помпонами. Прелестнейшая вещь, и у них есть размеры для самых маленьких.

Будь у нас еще ребенок, он мог бы носить такую же шапочку, как и Минни. Их стали бы называть «детешки-помпончики».

Передо мной встает мой собственный обворожительный образ. Я иду по улице с Минни. Она везет игрушечную коляску с куклой, а я – коляску с самым настоящим ребеночком. У нее появится друг на всю жизнь. И все будет просто чудесно...

– Бекки? Где скотч? *Бекки?*

Неожиданно я обнаруживаю, что Люк пытался достучаться до меня раза четыре.

– Ой, прости! Вот он. Симпатичная, верно? – Потряхиваю помпонами перед носом Люка. – У них есть такие и для новорожденных.

Делаю многозначительную паузу, слово «новорожденные» повисает в воздухе, и я пытаюсь использовать телепатическую связь между супругами на полную катушку.

– Это дерьмо, а не скотч. Он весь размочаленный. – Люк отбрасывает его в сторону.

Хм. Ничего себе супружеская телепатия. Тут нужна какая-нибудь хитрость. Съези однажды так ловко убедила своего мужа Тарки отправиться в Диснейленд, что он не понимал, куда они едут, пока не очутился в самолете. Заметьте, Тарки – это Тарки (милый, доверчивый,

постоянно думающий о Вагнере или об овцах). А Люк – это Люк (он всегда на страже и вечно подозревает, будто я что-то замышляю. А я НЕ ТАКАЯ).

– Какие потрясающие новости об «Аркодасе», – невинно говорю я. – И о доме.

– Да, замечательные. – Люк слегка улыбается.

– Все встает на свои места. Слово кусочки пазла. По крайней мере, *почти* все кусочки. – Я опять выразительно молчу, но Люк не обращает на меня внимания.

Что толку в моих паузах, если их никто не замечает? Я достаточно ходила вокруг да около и явно превысила норму.

– Люк, давай заведем еще ребенка! – иду я напролом. – Сегодня!

Молчание. Долю секунды я сомневаюсь, что Люк меня слышал. Но он поднимает голову, удивленный до глубины души.

– Сбрендила?

Я смотрю на него, уязвленная.

– Почему это – сбрендила? Думаю, Минни нужен маленький братик или сестричка. А ты так не считаешь?

– Розочка моя. – Люк садится на пятки. Мы не способны справиться даже с одним ребенком. Так куда нам два? Ты же видела, что она сегодня вытворяла.

И он туда же.

– Ты о чем? Неужели *тоже* думаешь, что Минни избалованная?

– Я этого не говорил, – осторожно отвечает Люк. – Но ты должна признать, что она неконтролируемая.

Нет!

– Взгляни правде в лицо. Ее выгнали из «Пещеры Санта-Клауса», – загибает он пальцы, – и из собора Святого Павла. Не говоря уже о случае в «Харви Николс»⁵ и о фиаско у меня в офисе.

Теперь у него зуб на Минни на всю жизнь? Не нужно вешать на стены дорогие картины, вот что я вам скажу. На работе люди должны работать, а не любоваться искусством днями напролет.

– Она просто очень деятельная, – защищаю я дочь. – Может, второй ребенок пойдет ей на пользу.

– А мы сойдем с ума, – качает головой Люк. – Бекки, не гони лошадей, ладно?

Я чувствую себя подавленной. Не хочу не гнать лошадей. Хочу двух детей в шапочках с помпонами.

– Люк, я все тщательно обдумала. Пусть у Минни будет друг на всю жизнь, пусть она не растет единственным ребенком в семье. И мне хочется, чтобы у наших детей была небольшая разница в возрасте. Кроме того, у меня неиспользованные ваучеры на сто фунтов из «Мира малышей», – вдруг вспоминаю я. – Срок скоро истечет!

– Бекки. – Люк округляет глаза. – Мы не будем рожать второго ребенка из-за каких-то дурацких ваучеров.

– Это не главная причина, – негодую я. – А *дополнительная*.

Да он просто придирается. Увиливает!

– Так что ты хочешь сказать? Что *вообще* не хочешь второго ребенка?

Люк словно готовится к защите. Какое-то время он не отвечает, шуршит оберточной бумагой.

Мое смятение растет. С каких это пор вопрос о втором ребенке является болезным?

– Возможно, я и захочу еще одного малыша, – наконец решается он. – В теории. Как-нибудь потом.

⁵ Сеть торговых центров в Великобритании.

Да, в голосе его очень мало воодушевления.

– Ясно. Предельно ясно.

– Бекки, не пойми меня неправильно. То, что у нас есть Минни, это... чудо. Невозможно любить ее больше, чем люблю ее я, сама знаешь.

Он смотрит мне прямо в глаза, и я слишком честна, чтобы не кивнуть в знак согласия.

– Но мы не готовы ко второму ребенку. Сама посуди. Этот год был адски трудным, и у нас пока нет даже собственного дома. С Минни хлопот не оберешься, и проблем полным-полно. Давай отложим. Поговорим через год, идет?

Через... год?

– Но это целая вечность... – Голос у меня дрожит. – А я-то надеялась, что ребенок появится у нас к следующему Рождеству! Я даже придумала прекрасные имена на случай, если забеременею сегодня. Венцеслас или Снежинка.

– Ох, Бекки. – Люк берет меня за руки и вздыхает. – Если бы хоть один день дело не доходило до катаклизмов, возможно, я бы думал иначе.

– Один день? Легко! Минни не такое уж чудовище!

На лице Люка недоверие:

– Неужто был день, когда Минни не устроила настоящий бедлам?

– Ладно, – с легким вызовом говорю я, – завтра же начну Дневник происшествий, и, держу пари, в нем не будет записей. Спорим, с завтрашнего дня Минни станет чудо-девочкой?

И я снова берусь за подарки, с треском отрывая скотч – надо же дать Люку понять, каково мне. Он, наверное, вообще не хотел детей. Наверное, мы с Минни ему в тягость. Наверное, мечтал до смерти остаться холостяком и гонять целыми днями на спортивных машинах. Так я и знала.

– Это все подарки? – в конце концов спрашиваю я, прикрепляя большой бант на последний сверток.

– Ну... у меня есть кое-что еще. – У Люка слегка смущенный вид. – Не смог удержаться.

Он подходит к шкафу, достает неряшливую картонную коробку, ставит на ковер и осторожно вынимает из нее старый кукольный театр. Он сделан из дерева, краска поблекла, но у него настоящий маленький красный бархатный занавес и даже крошечная рампа.

– Вот это да! – У меня перехватывает дыхание. – Это *невероятно*. Откуда он у тебя?

– Обнаружил его на eBay. У меня в детстве был точно такой же. Те же декорации, те же персонажи, все такое же.

Я завороченно смотрю, как Люк тянет за веревочки и занавес с легким скрипом открывается. На сцене декорации ко «Сну в летнюю ночь» с невероятными мельчайшими деталями. Вот интерьер с колоннами, вот молодой лесок с ручьем и покрытыми мхом берегами, а вот густой лес и башенки замка вдали. Маленькие деревянные персонажи в костюмчиках, у одного из них ослиная голова, и это, должно быть... Пак.

Нет, не Пак. Другой. Оберон?

Ничего страшного, быстро наберу в Google «Сон в летнюю ночь», когда Люк спустится вниз.

– Мы играли в такой театр с Аннабел. Мне было лет... шесть? Я словно переносился в другой мир. Посмотри, здесь все на колесиках. Это очень искусная работа.

Гляжу, как он перемещает персонажей взад-вперед, и чувствую угрызения совести. Я и не думала, что он может признаться в том, что испытывает тоску по детству.

– Только бы Минни ничего не сломала, – мягко говорю я.

– Не ломает. – Люк улыбается. – И на Рождество мы устроим представление с участием папы и дочки.

Я чувствую себя немного виноватой. Беру свои слова обратно. Может, мы с Минни и не в тягость Люку. Просто у него был очень трудный год, вот и все.

Что мне нужно, так это побеседовать с Минни. Необходимо объяснить ей ситуацию. Она начнет вести себя иначе, Люк передумает, и все пойдет, как я задумала.

3

Ладно, Рождество не считается. Это все знают.

Нельзя ожидать от ребенка идеального поведения, когда вокруг суета и повсюду сладости и украшения. И ничего удивительного, что Минни проснулась в три ночи и начала громко всех звать. Она просто хотела, чтобы мы посмотрели на ее чулок. На ее месте так поступил бы каждый.

Пришлось мне выдрать первый лист из Дневника происшествий и порвать его на мелкие кусочки. Все имеют право на фальстарт, правда же?

Делаю глоток кофе и радостно тянусь к коробке конфет. Господи, как же я люблю Рождество! В доме стоит запах жарящейся индейки, музыкальный центр играет гимны, а папа колет орехи у горящего камина. Я вся сияю, оглядывая гостиную: елка сверкает огнями, рядом с ней вертеп, он у нас еще с моего раннего детства (младенец Иисус был утерян много лет назад, но мы заменили его крючком для одежды).

Когда малышка Минни увидела утром свой чулок, то никак не могла поверить, что это ей, и недоверчиво повторяла: «Чулок? Чулок?»

– Бекки, любимая, – зовет мама. Заглядываю в холл и вижу ее у двери в кухню в фартуке с Сантой. – Какие хлопушки достать к обеду? С играми-новинками или с подарками?

– А может, те, что ты принесла с немецкого рынка? – предлагаю я. – С маленькими деревянными игрушками?

– Прекрасная идея! – Мамино лицо светлеет. – Я и забыла о них.

– Да, у меня есть кое-какая работа... – Люк направляется к лестнице, прижав к уху мобильник. – Если бы ты мог взглянуть на договор с Сэндерсоном... Да. Буду в офисе в три. Сначала надо прояснить один небольшой вопрос. Всего хорошего, Гэри.

– Люк! – негодую я, когда он заканчивает разговор. – Рождество ведь!

– Согласен, – кивает Люк. – Но оно уже прошло.

Ну почему он не может проникнуться торжеством момента?

– Нет, не прошло!

– Возможно, но только в мире Блумвудов. Для всех остальных сегодня уже двадцать восьмое декабря, и люди живут обычной жизнью.

Он такой *буквояд*.

– Хорошо, пусть сегодня не календарное Рождество, – ошетиниваюсь я, – но это наше *второе* Рождество. Специальное Рождество для Джесс и Тома. Оно не менее значимо, и ты мог бы хоть немного развеселиться!

Целых два Рождества – это сказка. Так должно быть каждый год. Пусть это станет нашей семейной традицией.

– Любовь моя. Во-первых, это не так уж и важно. Во-вторых, мне нужно сегодня закончить с договором. В-третьих, Том и Джесс даже еще не приехали.

Ночью от Джесс и Тома пришло сообщение, что их рейс из Чили задерживается. С тех пор Дженис является к нам примерно каждые двадцать минут и интересуется, слышно ли от них что-нибудь, спрашивает, не можем ли мы еще раз заглянуть в почту и не поступили ли какие сведения об авиакатастрофах или угонах самолетов.

Она взбудоражена больше обычного, и все мы знаем почему: она отчаянно надеется, что Том с Джесс обручились. Ведь Том написал в последнем письме, что должен что-то сказать ей. Я слышала, как они с мамой на днях разговаривали. И похоже, Дженис спит и видит, как бы устроить еще одну свадьбу. У нее полно идей относительно цветочного оформления, можно будет сфотографироваться под магнолией, и все это «сотрет память о той неблагоприятной шляшке». (Это она о Люси, первой жене Тома. Сущая была гадина, поверьте мне на слово.)

– А с какой это стати Минни получила сегодня утром еще один чулок? – понижает голос Люк. – Чья это идея?

– Это идея... Санта-Клауса. А ты заметил, какая она сегодня примерная?

Минни все утро помогала маме на кухне и вела себя изумительно, если не считать незначительного случая с электрическим миксером, но я не стала ставить Люка в известность о таких пустяках.

– Уверен, она... – начинает Люк, и тут раздается звонок в дверь. – Это не могут быть Джесс с Томом. – Он озадаченно смотрит на часы. – Они все еще в воздухе.

– Это Джесс? – взволнованно кричит из кухни мама. – Где Дженис?

– Это не может быть Джесс! – кричу я в ответ. – Наверное, Сьюзи, ранняя пташка.

Я тороплюсь к входной двери и распахиваю ее, уверенная, что увижу семейство Клиф-Стюартов в полном составе, выглядящее как разворот каталога.

Так и есть! Сьюзи бесподобна в черной овчинной шубке, ее длинные светлые волосы распущены, Таркин верен себе, он в старом полупальто, а трое их детишек – сплошь коленки, круглые глазищи и свитера с орнаментом.

– Сьюзи! – Я крепко обнимаю подругу.

– Бекс! Счастливого Рождества!

– Счастливого Рождества! – лепечет малышка Клемми.

– И счастливого Нового гада! – присоединяется Эрнест, мой крестник, он уже смотрится жердью из высшего общества.

«Счастливого Нового гада» – это старая семейная шутка Клиф-Стюартов, как и «С днем наваждения» вместо «С днем рождения». У них столько таких шуточек, что впору писать шпаргалки. Эрнест неуверенно стреляет глазами в Сьюзи, та одобрительно кивает, и он официально протягивает мне руку, словно мы знакомимся на приеме у посла. Я с самым серьезным видом пожимаю ее, а затем заключаю его в объятия и щечку, и он заливается хохотом.

– Сьюзи, дорогая! Веселого Рождества! – Мама быстро выходит в холл и крепко обнимает ее. – И Тарки... – Она останавливается на полуслове и с тревогой оглядывается на меня. – Ваша свет... лость...

– Боже, умоляю, миссис Блумвуд. – Щеки у Тарки розовеют. – Называйте меня Таркин.

Дедушка Тарки умер от пневмонии пару месяцев тому назад. И это была настоящая трагедия, но как-никак ему было девяносто шесть. Отец Тарки унаследовал титул графа, а Тарки у нас получается лорд! Он лорд Таркин Клиф-Стюарт, и Сьюзи теперь леди. Это все так взрослому и так роскошно, что едва умещается у меня в голове. К тому же у них теперь еще больше сикстиллионов фунтов, и земли, и прочего добра. Их новый дом расположен в Хэмпшире, в получасе езды отсюда. Он называется Летерби-Холл и выглядит точно как дом из «Возвращения в Брайдсхед»⁶, но они живут там не постоянно, у них есть дом еще и в Челси.

Вы бы наверняка решили, что Тарки в таком случае мог позволить себе новый шарф, но он разматывает вытертую и линялую тряпицу – похоже, шарфик связала старая няня двадцать лет тому назад. И вполне вероятно, так оно и есть.

– Тарки, ты получил рождественские подарки? – любопытствую я.

Я купила ему пульверизатор с ароматерапевтической водой, который, уверена, придется ему по душе. По крайней мере, Сьюзи он понравится.

– Еще какие! – Он с жаром кивает. – Сьюзи подарила мне мериноса. Такой сюрприз.

Мериноса? О чем это он?

– Мериносовый смокинг! – озаряет меня. – Мериносовые изделия сейчас самое то. Ты должен взглянуть на новую коллекцию Джона Смедли. Сплошной восторг.

– Джон Смедли? – Тарки слегка озадачен. – Это имя мне незнакомо. Он... заводчик?

⁶ «Возвращение в Брайдсхед» – фильм по одноименному роману Ивлини Во.

– Дизайнер шерстяных вещей! Знаешь, можно надевать под этот смокинг водолазку, – воодушевляюсь я. – Выглядеть будешь очень стильно. Он у тебя однобортный?

Тарки в полном ступоре, а Сьюзи издает короткий смешок.

– Бекс, я не дарила ему смокинг. Я подарила ему мериноса. Некастрированного барана мериносовой породы.

Некастрированный баран? Что это за рождественский подарок?

– А, понятно. – Пытаюсь изобразить хотя бы подобие энтузиазма. – Конечно. Некастрированный баран! Э... очень мило.

– Не волнуйся, я преподнесла ему еще и пиджак, – смеется Сьюзи.

– Для поездок на велосипеде, – встревает Тарки. – Он просто супер, дорогая.

И я, умудренная опытом, не верещу: «Вот здорово! На горном велике?» Ведь Тарки подразумевает под велосипедом не то, что обычные люди. И действительно, Сьюзи прокручивает фотографии на своем мобильнике и показывает мне фото Тарки в твидовом пиджаке, восседающего на велосипеде с колесами очень разного размера. У него тьма старинных велосипедов – иногда он даже одалживает их для съемок телекомпаниям и рассказывает им, как на таких чудовищах ездили раньше.

– Дети, пойдемте на кухню, угощу вас соком и печеньем. – Мама берет под крыло Эрнеста, Клементину и Уилфреда, словно наседка. – А где Минни? Минни, солнышко, иди поздоровайся с друзьями!

Минни, шаровая молния, стремительно выкатывается в холл. На ней алое рождественское платье, красная шапочка с помпонами и розовые крылья – она обнаружила их в своем чулке и теперь отказывается снимать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.